

DOI 10.15393/j9.art.2018.5081

УДК 821.161.1.09

Любовь Александровна Вайкум*Алтайский государственный
педагогический университет
(Барнаул, Российская Федерация)*

schnupferich@mail.ru

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ И ПРИТЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Аннотация. Художественная система романа Т. Толстой «Кысь» определяется особым образом организованной повествовательной стратегией, которая ориентирована на притчу. В статье рассматривается роман «Кысь» с точки зрения функционирования притчевых элементов на разных художественных уровнях, прежде всего приемов иносказания, скрывающих за нарочито бытовым повествованием философское, бытийное содержание. Притчевая стратегия в нарративе романа создаёт эффект многоплановости содержания, подсказывает читателю, что смысл произведения не исчерпывается внешним сюжетом. Притчевая стратегия текста проявляется в композиции романа, названия глав которого носят имена букв старославянской азбуки, что является одним из способов создания метафорического подтекста повествования. Содержащееся в азбуке Т. Толстой послание представляет собой зашифрованную форму авторского дискурса. Прочтение романа «Кысь» с учетом притчевой повествовательной стратегии позволяет вскрыть глубинный смысл его содержания, адресованный автором читателю.

Ключевые слова: Т. Толстая, «Кысь», притчевая стратегия, семантика, композиция

В работах, посвященных исследованию жанровой специфики романа Т. Толстой «Кысь» (1986–2000) как романа-антиутопии [Крыжановская] и постмодернистского романа [Давыдова], обращалось внимание на метафорику, символику и многослойность художественной системы произведения, представляющей собой синтез исторических и литературных аллюзий и реминисценций, бытописания, фантастики и натурализма [Латынина]. Обращение к сказовой повествовательной форме делает авторский дискурс неявным, скрытым за высказыванием персонажа, обладающего обыденным сознанием и наивным мироощущением. Художественная

система романа Т. Толстой определяется особым образом организованной повествовательной стратегией, которая ориентирована на притчу¹. Притчевая стратегия проявляется на разных уровнях повествования: прежде всего в многоплановости содержания², которая создается благодаря использованию целого ряда художественных приемов, характерных для жанра притчи³. Как замечает Е. К. Ромодановская, «важнейшая роль притчи заключается не столько в ее дидактичности, сколько в ее многозначности», а также возможности «свободного толкования текста» [Ромодановская: 13–14]. Т. Толстая, создавая многозначную художественную структуру своего романа, прибегает к приемам иносказания, скрывая бытийное, философское содержание за нарочито подробным бытописанием. «Принципиальная для притчи иносказательность, — как замечает исследовательница, — является своего рода механизмом активизации воспринимающего сознания: за повествовательно развернутой совокупностью значений требуется разглядеть ее неявный смысл, в чем и состоит нарративная интрига данного жанра» [Ромодановская: 39].

Неслучайным представляется неоднократное упоминание понятия «притча» в тексте романа. Кроме того, в главе «Твердо» один из героев (Кудеяр Кудеярыч) дает ее определение: «Притча есть руководящее указание в облегченной для народа форме»⁴. Бенедикт, обладающий примитивным мышлением, пытается применить это знание, обнаруживая следы притчи в прочитанных сказках, стихах, рассказах (глава «Ерь»):

«Не стихи это, а притча! Руководящее указание в облегченной для народа форме»⁵; «Догадался, вычислил, понял намеки, притчу понял — все и сошлось!» (371).

Роман, написанный Т. Толстой, такой «облегченной формой» не обладает, требуя от читателя умения «читать между строк». В нем отсутствует прямое цитирование евангельского текста, однако реминисценции и аллюзии евангельских образов и мотивов, адресованные «концептированному читателю» (термин Б. О. Кормана [Корман: 124]), пронизывают весь роман, выводя его содержание на метафизический уровень. Создавая второй смысловой план, уходящий в подтекст сюжетного повествования, автор апеллирует не к памяти и реальному

опыту отдельного конкретного читателя, а к коллективной памяти и культурному и духовному опыту современной читающей публики.

Особое значение в романе приобретает евангельская истина: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1–3). В своем желании понять книжное слово, герой на деле, сам не осознавая того, ищет Бога в себе. Бенедикт чувствует свою духовную несостоятельность и испытывает от этого моральные и физические страдания:

«Внутри, — смотри — и внутри нет его, — уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!..» (401).

В качестве духовного ориентира в романе «Кысь» выступает книга:

«Я только книгу хотел, — ничего больше, — только книгу, только слово, всегда только слово, — дайте мне его, нет его у меня! Вот, смотри, нет его у меня! Вот, смотри, голый, разутый, стою перед тобой» (401).

Наставник Никита Иванович объясняет, почему истинный смысл прочитанного оказывается недоступным Бенедикту:

«Жизненную, жизненную азбуку не освоил! <...> есть понятия тебе недоступные: чуткость, сострадание, великодушие... <...> Честность, справедливость, душевная зоркость... <...> Взаимопомощь, уважение к другому человеку... Самопожертвование...» (343).

Притчевая стратегия текста проявляется в композиции романа, названия глав которого обозначены буквами старославянской азбуки, что является одним из способов создания метафорического подтекста повествования. В интервью газете «Московские вести» Т. Толстая объяснила причину таких названий глав: «Сначала я хотела главы просто пронумеровать. Но показалось скучно. Что такое — глава 28? Потом решила, что раз роман про книгу, так и сделаем из него книгу. Расставив эти буквы <...>, я обнаружила, что их “имена” аз, или глаголь, или покой — каким-то образом — не полностью, но заметно отражаются в тексте главы» [Толстая Н. Н., Толстая Т. Н.: 346]. Как отмечает О. Е. Крыжановская, «используя символические

обозначения букв древнерусского алфавита, Т. Толстая создает гипертекстовую структуру произведения, своеобразную энциклопедию “мутации духовности” в современном мире (“послезрывного” периода)» [Крыжановская: 17].

Основной мотив произведения — постижение главным героем Бенедиктом «жизненной азбуки», которую вместе с ним постигает и читатель. Как отмечает исследователь А. В. Зиновьев, буквы кириллицы «криптографируют не только Макрокосм, они символически выражают и Микрокосм. Точнее, изображают жизненный путь Человека. Этот путь полярен, и все зависит от того, на светлую или темную стезю изначально ступил индивид» [Зиновьев: 37]. Семантика названия каждой главы по имени очередной буквы алфавита отражает суть содержания фрагмента повествования и символизирует этап духовного и морального развития, на котором находится Бенедикт.

Значение первой главы «Аз» можно трактовать по-разному: «аз» как азы познания, начальная стадия постижения знания. Коренной смысл буквы — «изначально» [Зиновьев: 56]. Так, роман начинается с «Аз» — то есть с азов, которые дают первичную картину мира «голубчиков», простых горожан Федор-Кузьмичска (Взрыв, радиация, Кысь, рассказ старика об устройстве мира). Кроме того, «аз» означает личное местоимение первого лица единственного числа — «я». Личное местоимение в заглавии первой главы романа репрезентирует главного героя — Бенедикта. Однако герой не осознает себя как личность: он рассказывает о своих впечатлениях и переживаниях, подобно ребенку, не говоря о себе в первом лице и называя себя по имени. Это свидетельствует об инфантилизме героя, неспособности иметь собственную точку зрения, отсюда понимание себя как части целого — мира Федор-Кузьмичска, мира простых «голубчиков». Как отмечает Г. Л. Нефагина, «Бенедикт выступает в ипостаси Ребенка, которого опекают Взрослые — Никита Иванович (Прежний), мурзы, Набольший Мурза, который позволяет играть с указанными им игрушками (книгами), Главный Санитар — его тесть, то есть второй отец. Он пытается достигнуть Взрослости, самостоятельно добывая книги, распоряжаясь (как взрослый) судьбами других людей» [Нефагина].

Следующая глава романа — «Буки» — носит имя второй буквы старославянской азбуки, в соответствии с полярной природой которой имеет двойственное значение. С одной стороны, она может пониматься в значении «письмо, грамота». С другой стороны, эта буква трактуется как «дерзкий, нескладный, своевольный, буйный, бучливый, глупый» [Зиновьев: 94]. Такое двоякое понимание буквы-слова «буки» в совокупности с ее коренным значением — «будет» [Зиновьев: 56] — отражает суть второй главы романа. В этой главе Бенедикт рассказывает о знакомстве с азбукой (буквами) и книгами. Однако в силу своей малообразованности он трактует и то и другое довольно примитивно. Расхожие взгляды родителей на воспитание Бенедикта и его собственные мечты об успешном будущем представляют собой начальный этап терзаний главного героя, его попытки самоопределиться в окружающем мире.

Значение названия главы «Веди» трактуется как «ведать, знать, владеть»: «корень веди объединяет образованность и культуру» [Зиновьев: 56, 105]. В главе «Веди» разворачивается повествование о Никите Ивановиче, одном из «Прежних», — наставнике Бенедикта, который пытается направить героя на путь истинный. Носитель сокровенного знания, оберегающий его как божественный дар, предпринимает попытки восстановить утраченные достояния культуры. Однако он сталкивается с непониманием со стороны других жителей Слободы. В этой главе Бенедикт предстает как один из «голубчиков», он так же, как и они, не способен воспринять наставления Никиты Ивановича.

В главе «Живете» Бенедикт впервые задумывается о мире и о себе в мире, когда он задается вопросом:

«Кто я?!.. Фу ты... Это же я. Словно на минуточку себя выпустил из рук, чуть не уронил, еле успел подхватить... Фу...» (74).

Героя обуревают вопросы о смысле жизни:

«Да и что мы про жизнь знаем? Ежели подумать? Кто ей велел быть, жизни-то? Отчего солнце по небу катится, отчего мышшь шебуршит, деревья кверху тянутся, русалка в реке плещет, ветер цветами пахнет, человек человека палкой по голове бьет?» (74–75).

Согласно значению старославянского алфавита, слово «живете» — живот, живой, живительный, животворный, а вообще —

жизнь» [Зиновьев: 112]. В системе азбучного мироустройства эта буква «символизирует самостоятельную жизнь, но в условиях полного послушания своим наставникам» [Зиновьев: 112]. Страх Бенедикта перед действительностью, неготовность к духовной жизни выражаются в его трактовке буквы-слова «Живете». Для него она не несет в себе семантику жизни и нового пути, в ее начертании герой видит преграду, как будто кто-то раскинул руки и загораживает путь, не пускает: «...сюды не пуцу. Неча!» (355).

В очередной раз душевные сомнения одолевают Бенедикта в главе «Иже», название которой имеет семантику выбора. Главный герой вновь задумывается о своем месте в жизни, о выборе человека. Воскликая:

«Живи не хочу. Все есть. А все чего-то неможется. Все чего-то свербит, свербит.

...Али богатства алчу? ...Али свободы? ...Али помереть боюся? ...Али куда уйти хочу? ...Али вознесся дерзостью до высот своеволия...» (95).

Смысл буквы-слова «Покой», давшей название следующей главе, — «невозможность страстями, уравновешенность сердца, чуткость и совесть, неколебимость воли. Это не лень безделья, а покой силы, твердой уверенности в правоте своих взглядов, высшее единение веры и духа, обдуманый поступок ради общего дела» [Зиновьев: 127]. Кроме того, как отмечает Л. В. Савельева, со словом «покой» ассоциируется кончина, ««успокоение, отдохновение»: Покои души (Григорий Назианзин, XI в., 358); «кончина, преставление»» [Савельева: 19]. Бенедикт подвергает образ буквы самостоятельному осмыслению по форме ее начертания. Ему видится «дверь, проем дверной! А что там за ним? — незнамо, может, жизнь новая, неслыханная! Какой еще не бывало!» (355).

В главах «Ша» и «Ер» («ша» — «ничтожный», «суетный»; «ер» — «вор», «плут», «мошенник» [Зиновьев: 61–62]) Бенедикт переживает нравственное падение. После серьезнейших потрясений, он возвращается к своему наставнику Никите Ивановичу в главе «Еры» (от «ерыга» — «шатун, гуляка, пьянюга» [Зиновьев: 62]). «Прежний», видя страстную любовь Бенедикта к чтению, наставляет его:

«Читать ты, по сути дела не умеешь, книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв» (342).

Бенедикт к концу романа начинает постигать скрытые от глаз обывателей смыслы в окружающей его жизни, по-новому прочитывает знакомые тексты, открывая в них тайное содержание. Однако, главную книгу наставник так и не дает Бенедикту, говоря, что для ее чтения необходимо знание «жизненной азбуки».

Очевидно, речь идет о Библии, хотя она и не названа в тексте, но известно, что само слово Библия переводится как Книга. Последнее наставление Никиты Ивановича Бенедикту: «Азбуку учи! Азбуку! Сто раз повторял! Без азбуки не прочтешь!» (409), — по всей видимости, обращено не только к герою, но и к читателю и является ключом к тексту романа.

В соответствии с полярным значением старославянской азбуки буквы «фита» и «ижица» легли в основу ряда противоположных друг другу значений. В связи с чем в романе именно в этих главах герой испытывает максимальные душевные терзания. В главе «Фита» (буквенное значение в положительной коннотации дало начало таким словам, как «феология — теология, Богословие», а в отрицательной — «феогония — родословия богов языческих, баснословие» [Зиновьев: 149]), Бенедикт переживает сильную душевную неудовлетворенность, что приводит его к борьбе с самим собой и расколу сознания. Придя к полному духовному краху, он сравнивает себя с кысью. Кысь есть ни что иное, как квинтэссенция первобытного страха, порождение больного сознания «голубчиков», возникшее вследствие тревожных ощущений неизведанности и непонимания окружающего мира. Все неприятности и тревоги объясняются просто: «Кысь в спину смотрит!!!» (130). Испытывая душевные терзания, Бенедикт говорит:

«Я не хотел, нет, нет, нет, не хотел, меня окормили, я хотел только пищу духовную, — окормили, поймали, запугали, смотрели в спину! <...> Да, это она! Испортила меня, аа-а-а, испортила!» (401).

Иносказательность, пронизывающая текст романа, усиливается к его финалу. Заключительная глава носит название «Ижица». По определению «Толкового словаря русского языка»

Д. И. Ушакова, это «последняя буква церк.-слав. азбуки, обозначающая звук “и” <...>. Прописать ижицу (разг. устар.) — выпороть, сделать внушение, нравоучение» [Ушаков]. Сцена сожжения «Прежних» заканчивается их «воскресением» и «воспарением», отсылая к финалу земной жизни Христа. На вопрос Бенедикта, жив он или умер, Никита Иванович отвечает: «А понимай как знаешь!..» (412). Эти слова обращены автором и к читателю, которому необходимо самостоятельно вывести для себя «назидание» или «мораль».

Использованные в оглавлении старославянские буквы, наряду с другими средствами создания притчевой стратегии повествования, значительно расширяют смысловое поле содержания романа «Кысь» и помогают постичь его суть и динамику развития главного героя. Содержащееся в азбуке Татьяны Толстой послание представляет собой зашифрованную форму авторского дискурса. Прочтение романа с учетом притчевой повествовательной стратегии позволяет вскрыть глубинный смысл его содержания, адресованный автором читателю.

Примечания

- ¹ См. об этом также: [Вайкум: 50–53].
- ² Как замечает В. И. Габдуллина, «притча многослойна: она несет в себе и житейскую мудрость, которая лежит на поверхности и понятна многим, и глубинное духовно-нравственное содержание, доступное немногим» [Габдуллина: 49].
- ³ В литературоведении отмечалось, что повсеместное включение притчевых элементов в повествование обусловлено интересом к «типическому, вечно-человеческому, вечно-повторяющемуся, вневременному, короче говоря, — области мифологического» [Тюпа: 82–83].
- ⁴ Толстая Т. Н. Кысь. М.: Эксмо, 2012. С. 247. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁵ Такая трактовка притчи — своего рода парафраза евангельского текста. В Евангелии от Матфея Иисус в ответ на вопрос учеников: «Для чего притчами говоришь им?» («И собралось к нему много народа... и поучал их много притчами»), — ответил: «Для того, что вам дано знать тайны Царства Небесного, а им не дано»; «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не разумеют» (Мф. 13:11, 13).

Список литературы

1. Вайкум Л. А. Притчевые элементы в художественной системе романа Т. Толстой «Кысь» // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых: сб. ст. 4-й Международ. науч.-практич. конф. (19–20 ноября 2015 г.): в 4 т. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. — Т. 2. — С. 50–53.
2. Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. — Барнаул: БГПУ, 2008. — 303 с.
3. Давыдова Т. Т. Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование // Русская словесность. — 2002. — № 6. — С. 25–30.
4. Зиновьев А. В. Тайнопись кириллицы. — Владимир: Покрова, 1998. — 320 с.
5. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / предисл. и сост. В. И. Чулкова. — Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. — 236 с.
6. Крыжановская О. Е. Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь»: дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2005. — 198 с.
7. Латынина А. «А вот вам ваш духовный Ренессанс» // Литературная газета. — 2000. — № 47. — С. 8–14.
8. Нефагина Г. Л. Азбуки Т. Толстой (Жанр и поэтика романа «Кысь») // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. — Минск: РИВШ, 2002. — Вып. 1. — С. 122–139 [Электронный ресурс]. — URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/42946?mode=full> (20.10.2017).
9. Ромодановская Е. К. О понятии «притча» в библейском тексте // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. — С. 17–33.
10. Толстая Н. Н., Толстая Т. Н. Двое: Разное. — М.: Подкова, 2001. — 384 с.
11. Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. — С. 34–78.
12. Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Т. 3. — С. 12–31 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2371> (16.03.2017).
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dict.t.-mm.ru/ushakov> (16.03.2017).

Дата поступления в редакцию: 15.12.2017

Дата публикации: 29.06.2018

Lyubov A. Vaikum

Altai State Pedagogical University
(Barnaul, Russian Federation)

schnupferich@mail.ru

TRUISMS AND THE PARABLE STORYTELLING STRATEGY IN THE NOVEL “KYS” BY T. TOLSTAYA

Abstract. The artistic system of the novel “Kys” by T. Tolstaya is defined by a specifically organized narrative strategy targeted at a parable. The article deals with the novel “Kys” from the viewpoint of functioning of parable elements at different artistic levels, primarily, of the circumlocutions that hide philosophical, existential essence behind a deliberately common narration. The parabolic strategy in the narrative of the novel creates an effect of a multifaceted content, tells the reader that the meaning of the work is not limited to the external plot. The parabolic strategy of the text is manifested in the composition of the novel, the chapter titles of which bear the names of the letters of the Old Cyrillic alphabet. This is one of the ways to create a metaphorical subtext of the narration. The message contained in T. Tolstoy’s alphabet is an encrypted form of the author’s discourse. The reading of the novel “Kys” taking into consideration the parable as the narrative strategy allows us to disclose a deeper meaning of its contents conveyed by the author to the reader.

Keywords: T. Tolstaya, “Kys”, parabolic strategy, semantics, composition

References

1. Vaikum L. A. Parabolic Elements in the Artistic System of the Novel “Kys” by T. Tolstaya. In: *Pokolenie budushchego: Vzgl'yad molodykh uchenykh: sbornik statey 4-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19–20 noyabrya 2015 g.): v 4 tomakh* [The Future Generation: A Viewpoint of Young Scientists: Collected Articles of the 4th International Scientific and Practice Conference (November 19–20, 2015): in 4 Vols]. Kursk, “Universitetskaya kniga” Publ., 2015, vol. 2, pp. 50–53. (In Russ.)
2. Gabdullina V. I. «Bludnye deti, dvesti let ne byvshie doma»: *Evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F. M. Dostoevskogo* [“Prodigal Children Who Have Not Been Home for Two Hundred Years”: A Gospel Parable in the Author’s Discourse of F. M. Dostoevsky]. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 2008. 303 p. (In Russ.)
3. Davydova T. T. *Roman T. Tolstoy «Kys’»: problema, obrazy geroev, zhanr, povestvovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Novel by T. Tolstaya “Kys”: Problems, Images of Heroes, Genre, Narration. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2002. 24 p. (In Russ.)

4. Zinov'ev A. V. *Taynopis' kirillitsy* [Cyrillic Cryptography]. Vladimir, Pokrova Publ., 1998. 320 p. (In Russ.)
5. Korman B. O. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1992. 236 p. (In Russ.)
6. Kryzhanovskaya O. E. *Antiutopicheskaya mifopoeticheskaya kartina mira v romane Tat'yany Tolstoy «Kys'»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [An Anti-utopian Mythopoetic Picture of the World in the Novel by T. Tolstaya "Kys". PhD. philol. sci. diss. abstract]. Tambov, 2005. 22 p. (In Russ.)
7. Latynina A. "Here is Your Spiritual Renaissance". In: *Literaturnaya gazeta*, 2000, no. 47, pp. 8–14. (In Russ.)
8. Nefagina G. L. *Azbuki T. Tolstoy (Zhanr i poetika romana «Kys'») [Alphabets of T. Tolstaya (Genre and the Poetics of the Novel "Kys")]*. Available at: <http://referatdb.ru/literatura/137733/index.html> (accessed on October 20, 2017). (In Russ.)
9. Romodanovskaya E. K. On the Concept of "Parable" in the Biblical Text. In: *Pritcha v russkoy slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti: kollektivnaya monografiya* [The Parable in Russian Literature: from the Middle Ages to the Present: A Collective Monograph]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2014, pp. 17–33. (In Russ.)
10. Tolstaya N. N., Tolstaya T. N. *Dvoe: Raznoe* [Two: Miscellanea]. Moscow, Podkova Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)
11. Tyupa V. I. A Narrative Strategy of the Parable in the Literary Tradition. In: *Pritcha v russkoy slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti: kollektivnaya monografiya* [The Parable in Russian Literature: from the Middle Ages to the Present: A Collective Monograph]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2014, pp. 34–78. (In Russ.)
12. Savel'eva L. V. Cyrillic Alphabet: Deciphering and Interpretation of the First Slavic Poetic Text. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 12–31. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2371> (accessed on March 16, 2017). (In Russ.)
13. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov> (accessed on March 16, 2017). (In Russ.)

Received: December 15, 2017

Date of publication: June 29, 2018